

ТРОПИНКИ, ПУТИ, ВСТРЕЧИ

Поэты Эмиль Верхарн, Валерий Брюсов, Маяковский, Есенин... и много еще имен, лиц, образов вспоминаю я, какие-то тропинки, по которым начал я свой путь десятки лет (эпох!) назад, привели меня к встречам с ними. Встречи эти оставили во мне неизгладимый след, воспоминания о них дороги, и, может быть, читатель найдет в моих воспоминаниях что-нибудь новое, достойное памяти о людях искусства, «замечательных людях»⁵⁹.

Но прежде чем начать об этих встречах с «замечательными людьми», хочется (и, вероятно, надо) сказать о себе, своих сверстниках, сказать, как протаптывались с юных лет мои тропинки.

Мои воспоминания — это жизнь моя и моих сверстников «в искусстве» в начале XX века.

В 1907 году несколько юнцов после окончания гимназии очутились вместе студентами Киевского Университета.

Дружба гимназических лет объединила их. Были все мы, если не «нищие студенты», то студенты достатков скромных, помощь родительская плюс «уроки», т.е. репетирование отстающих гимназистов, реалистов плюс случайные заработки (статисты в театре, контролеры на к[аком-] н[ибудь] налетно-гастрольном спектакле, или концерте и т.п. Одного студента-статиста долгие годы дразнили мы: «задние ноги слона»).

Мечтая стать знаменитыми писателями, поэтами, художниками, мы объединились в какое-то литературное «братство», образовали свой маленький «клан».

Университетские науки нас не заинтересовали.

То было время реакции — 1907, 1908 гг. Мы авторитетно решили, что профессора Университета консервативны, безынтересны, учиться у них нечему.

Кружок наш состоял из юристов, филологов, естественников (был один только естественник среди нас). Слушать лекции почли «дурным тоном», но экзамены кое-как сдавали, знакомясь иногда с профессором только на экзамене.

Объединило юношей одно: все мы были опьянены, отравлены искусством. Еще не познав в те годы Г. Флобера, его романы, его жизнь, мы, подобно ему, ставили выше всего в жизни — литературу.

Мы думали, что писатели, поэты (пророки) помогут нам разрешить множество вопросов, тревоживших, волновавших, порой пугавших нас:

---

⁵⁹ Вероятно, автор апеллирует к знаменитой серии биографий «Жизнь замечательных людей», выпускавшейся с 1890-х гг. издательством Ф. Павленкова и возобновленной в 1930-е гг.

смысл жизни, бессмыслица смерти, борьба с несправедливостью, с ужасающей эксплуатацией человека, мерзости социального неравенства, любовь к человеку, к народу и, конечно, любовь к женщине...

Литература, поэзия, музыка, театр — без этого, как давно порешили мы, жить и бороться (если мы хотим бороться) — нельзя — вот чуть сумбурный наш тогдашний Standard of life⁶⁰.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ — КИЕВ 1907–10 ГГ.

Мы были отравлены сладким целебным ядом литературы... С 1907–1908 г. (и так было до 1914 года — распада нашего клана) с нами рядом шел Гоголь... Как часто в разных ситуациях нашей тогдашней жизни цитировали мы друг другу из «Мертвых душ», из «Ревизора», порою подтрунивали: «ты, брат, совсем, как Хлестаков — с Пушкиным на одну ногу... Ну, что, брат, Пушкин?» или юнцу расхваставшемуся: «40.000 курьеров...» или констатировали «запах Петрушки», войдя в непроветренную комнату заспавшегося студента, или к[акой-]н[ибудь] кисейной курсистке: «Вы, как Анна Андреевна, мечтаете об амбре», или напоминали франту-студенту, любующемуся новыми ботинками: «ты совсем поручик из “Мертвых душ”, упивающийся всю неделю лихо стачанными каблуками сапог...»

«Нос», «Шинель», «Вий» и «Страшную месть» мы так любили перечитывать!

Годами звучали в нас и для нас «как арфа», «как кимвал, как цевница» Пушкин, Лермонтов...

И каждый из нас, мальчишек, был немного Печорин. Мы хорошо знали и часто говорили фразами из «Героя нашего времени» — друг другу, про себя или курсисткам, за которыми на манер Грушницкого — «волочились...»

И особенно часто: (говорю на память, как 40 лет назад) «Я спрашиваю себя, для чего я жил, для какой цели я родился? А ведь, верно, она существовала и было мне назначение высокое, ибо я чувствую в душе своей силы необъятные...»⁶¹

Помню, уже в Москве (1914 г. начало) пришел ко мне молодой поэт Тихон Чурилин в чрезвычайно возбужденном состоянии: в этот день вышел в свет прекрасно изданный издательством «Альциной» [sic] с литографиями художницы Гончаровой Н. сборник стихов его — «Вес-

⁶⁰ Стандарт жизни (англ.).

⁶¹ Мозалевский приводит по памяти монолог Печорина: «Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? . . . А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

на после смерти...»⁶². Он обнял меня. Я улыбнулся и сказал: «Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры...»

Но вот в 1907–08 гг. самые разные издательства — сборники «Знания», и [здательств]во «Скорпион» и ряд других одарили нас К. Гамсуном — «Пан», «Голод», «Виктория», «Мистерии», «Роза», «Бенони»...⁶³ Может быть, отчасти потому, что автор (Гамсун *tex лет*), думалось нам, был беден, богемен, смел, оригинален — книги эти вскружили голову! Кто из нас чуточку не подражал тогда лейтенанту Глану, Нагелю! Один художник, член нашего клана, в течение года все ездил по небесам в призрачной лодке и удил серебряной удочкой, как Нагель («Мистерии»). Мы любили природу, бродяжничество по лесам, по горам, но Гамсун делал эту любовь каким-то суеверием, какой-то религией. Нам было так понятно, почему Глан поцеловал со слезами на глазах жалкую изломанную ветку, дружил с горным камнем («Пан»). Вся природа, как в стихе А.К. Толстого, была в объятиях наших⁶⁴.

Гамсун устами своего Нагеля ругнул Льва Толстого⁶⁵. Озоруя, и мы, было, завторили Гамсуну-Нагелю. Но ненадолго! В 1909–10 гг. мы вновь не отрывали своих восхищенных взоров от сияющих факелов — страниц

⁶² Книга вышла в свет весной 1915 (а не 1914) г., см.: Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1915. № 12, 19 марта. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 11-го по 18-е марта 1915 г. С. 26. В начале 2000-х гг. экземпляр «Весны после смерти», преподнесенный Мозалевскому (№ VII, Виктора Михайловича [sic! — скорее ошибка публикатора, нежели автора] Мозалевского и Маргариты Иосифовны Мозалевской) продавался на одном из московских аукционов; составитель не справился с расшифровкой чурилинского почерка — действительно, впрочем, непростого, — так что из текста инскрипта уцелели и зафиксированы лишь отдельные фрагменты: «Виктору Мозалевскому дружески с любовью (Пантеистичная, Полная Романтики etc, Мозель Мозалевского Тихон де [Какату] [sic!]. Маргарите Иосифовне Мозалевской преданно, с любовью (Нина Сакс) 10 марта 1915 Москва. День выхода книги» (Сафонова К.В. Аукционная лихорадка нынешней весной // Про книги. 2012. № 2. С. 103). Невероятно «Какату» — очевидно, неправильно прочитанное «Кикапу». «Пантеистичная» — намек на название рассказа Мозалевского «Пантеистичная Полина». М.И. Мозалевской Чурилин посвятил стихотворение «Июль (идиллия)» («Прекрасная темнота...»): Свободный журнал. 1915. № 9/10. Стлб. 33–34.

⁶³ Первое русское издание «Пана» было выпущено «Скорпионом» в 1901 г., «Голод» вышел еще в 1892 г. в издательстве Павленкова, «Виктория» одновременно издана в Москве и Одессе в 1908-м, «Мистерии» вышли в том же году в «Северных сборниках» издательства «Шиповник», а «Бенони» — в сборнике издательства «Знание» на 1908 год. Роман «Роза» впервые напечатан в 1911 г. Подробнее см.: Кнут Гамсун в России. Библиографический указатель (с литературными иллюстрациями). М., 2009.

⁶⁴ Из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин»: «О, если б мог в свои объятия / Я вас, враги, друзья и братья, / И всю природу заключить!» На аллюзиях к роману «Пан» построен рассказ Мозалевского «Вероника» (Полон: Литературный сб. Пг., 1916. С. 113–120).

⁶⁵ Монолог Нагеля о Толстом находится в тринадцатой главе «Мистерий»: Гамсун К. Мистерии. Роман / Пер. с норвежск. М.П. Благовещенской. М., Бг. С. 212–220.

«Войны и Мира», «Анны Карениной», «Севастопольских рассказов», «Казаков»...

И во всех перипетиях нашей студенческой бродячей жизни с нами всегда был Чехов.

Если слово «родной» не приобрело оттенка какой-то пошловатости, то должен сказать, что «родным», близким, ни на что не претендующей родней, был нам Чехов. Во всяких спорах и разглаголах иные из нас обращались за словами к Астрову из «Дяди Вани». Например, «Женщина может быть другом мужчины в такой последовательности, сначала жена или любовница, а потом уже друг...» И, гуляя по аллеям Сокольников в Москве в 1909–10 гг., вспоминали фразу Ярцева (из рассказа «Три года»): «Москва — город, которому суждено много страдать...»

О, мы ведь хорошо знали тогда и других, но уже страшных героев: Рогожина, Парфена, князя Мышкина, Верховенских, Ставрогиных, Карамазовых, Раскольниковых, но смотрели на них издалека и чуть испуганно.

А герои чеховских шедевров шли рядом с нами.

Глядя из окна загона на фруктовый сад, где-нибудь под Харьковом, мы неизменно вспоминали «Черного монаха». Звуки духового оркестра, военной музыки переносили нас к «Трем сестрам», к «Анне на шее».

Случайный разговор с к[аким-]н[ибудь] военным врачом типа д-ра Самойленко из «Дуэли» молниеносно претворялся в нас в целый калейдоскоп лиц и образов: южное море, батумский духан, неврастения Лаевского, распутство его жены, дуэль...

И должен сознаться, что порою мы вполне разделяли весьма безутешные выводы о смысле жизни героя «Скучной истории» и Мисаила из «Моей жизни».

Денег на покупку книг было мало, но Пьер И. (Петя в сущности), один из членов клана, работал (нештатно) в публичной библиотеке⁶⁶, а новые книги давала нам киевская «Библиотека Идзиковского» (частная)⁶⁷. Казалась она нам раем, дарящим за гроши великие сокровища. Она давала «Северные Сборники» (в них печатались «Мистерии» Гамсуна), подарила «Наоборот» Гюисманса, предложила романы Винниченко,

⁶⁶ Петр Федорович Иноземцев, служивший в Киевской русской публичной библиотеке в 1910–1930-х гг. помощником библиотекаря, помощником заведующего библиотекой и библиографом (см.: Літопис Національної парламентської бібліотеки України. Ч. 1: 1866 — лютий 1917 р. / Авт. кол.: П. Б. Гапченко та ін.; наук. ред. С.І. Білокін. Київ, 1996. С. 80, 109). Указано П.Е. Поберезкиной.

⁶⁷ Библиотека, основанная книгоиздателем Леоном Викентьевичем Идзиковским (1827–1865) и содержавшаяся после его смерти вдовой и сыном. Каталоги библиотеки, издававшиеся в 1892, 1902, 1906 и 1915 гг., изобличают широкие вкусы комплектаторов (в 1902 и 1906 г. составителем их был Иван Иванович Самоненко, создатель киевского «Чтеца-декламатора»).

Арцыбашева (это были уже не «сокровища», но хотелось ругать их, а ругать, не читая, казалось неблагородным). Охотились за очередным номером литературно-художественного журнала «Аполлон»... «Аполлон» однажды сильно поднадул нас.

В одном из номеров появились богато иллюстрированные каким-то большим художником-графиком (позабыл кем) — стихи поэтессы «Черубины де Габриак»⁶⁸.

Такие строки, как:

«... С моею царственной
мечтой
Брожу одна во всей
вселенной»⁶⁹,

слегка отуманивали голову (а ведь в ту пору мы, мальчишки, слегка были ушиблены Ибсеном и утверждениями его героев, что тот-де свободен, кто безнадежно одинок)⁷⁰.

Довольно скоро мы узнали, что никакой «Черубины де Габриак» в земных пространствах не существует, что это мистификация, а стихи Черубины написал поэт М. В. (Макс. Волошин)⁷¹.

Мы изругали «Аполлон», но кто-то из более взрослых утешал нас, что такие мистификации не «мовэтон», сообщив нам о Кларе Газуль (Меримэ), об его других «мистификациях»⁷².

А кстати, узнали мы случайно, что в одном из тогдашних журналов «для женщин» лицо, ведущее отдел «письма старой маркизы» — это... не совсем «старая маркиза», а старый лысый «желчевник» при черной бороде, в очках⁷³.

⁶⁸ Первая публикация стихов Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой) появилась в № 2 «Аполлона» за 1909 г. (Отд. II. С. 3–10); напечатаны они без иллюстраций. Напротив, следующая подборка (1910. № 10. Отд. II. С. 3–14) была орнаментирована графикой Е.Е. Лансере.

⁶⁹ Первые строки стихотворения (с небольшой погрешностью), открывавшего вторую подборку Черубины де Габриак (Аполлон. 1910. № 10. Отд. II. С. 3).

⁷⁰ Подразумевается финальная реплика доктора Стокмана (Штокмана) из пьесы Ибсена «Враг народа»: «Вот видите ли, что я открыл: самый сильный человек в этом мире тот, кто более всех одинок!» (Ибсен Г. Враг народа (доктор Штокман): Драма в пяти действиях / Пер. с норвежск. Н. Минович. М., 1901. С. 107).

⁷¹ Мозалевский преувеличивает: хотя М.А. Волошин действительно принимал энергичное участие в создании образа Черубины де Габриак, истинным автором ее стихов была Е.И. Дмитриева.

⁷² «Театр Клары Газуль, испанской комедиантки» — сборник пьес, написанных и изданных Проспером Мериме в 1825 г. под видом сочинений испанской актрисы. Из других мистификаций Мериме наиболее известная — “Guzla” (1825), сборник псевдославянских песен.

⁷³ Вероятно, Мозалевский имеет в виду легендарную «Игрушечную маркизу», много лет дававшую советы читателям со страниц московского «Журнала для хозяек». Впрочем, истинное имя и пол ее до настоящего дня остаются неизвестны. О многочисленных примерах травестийных псевдонимов см. чрезвычайно удачную работу: *Обатнин Г.* Женская культура как развлечение мужчин // Русская

Прелесть и мудрость Бальзака, Стендаля, Флобера, мы увы, познали не сразу. А зачитывались Германом Бангом, Йенс Петер Якобсенем, Гамсуном.

Может быть, спросят, что это за нелюбовь такая к *русской* литературе?

О, нет! Мы к тем годам по многу раз перечитали Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого Льва, Чехова и (наивно) думали: нечего читать. Много позднее немногие оставшиеся в живых члены маленького «клана» горько сожалели, что когда хватало времени, ума не хватало познать сокровища Горького тех лет (Горького эпохи Челкаша, Данко, мы знали гимназистами), Лескова, узнать о существовании Вельтмана, да и не погнушаться Боборыкиным, Мельниковым-Печерским, Маминым-Сибиряком.

В 1909 или 1910 г. Пьер И., член нашего «Клана»⁷⁴, сын плотника, как и Жюльен Сорель, канонизировал Стендаля⁷⁵.

На наших чердаках, мансардах, на наших более приличных (с течением времени) «жилплощадях», в пути, в столовых, в ресторанах, в кафе — о, почти везде до дней распада «клана» (конец 1914 г.) неизменно присутствовали и Фабрицио дель Донго, и «умная бестия» граф Моска, а героинь наших романов в жизни мы в мечтах преображали в мадам де Реналь, в Матильду де Ла Моль и в прекрасную мудрее древних Аспазий и Эгерий — герцогиню Сан-Северона⁷⁶.

Но мы внешне были озорники, чуть циники и не признавались друг другу, что незримо чувствуем возле себя этих героев, а не просто говорим о них, как какие-нибудь литературоведы-гробокопатели.

КИЕВ, МОСКВА 1907–14 ГГ.
ЖИВОПИСЬ, ОЧАРОВАНИЕ ТЕАТРА. ИБСЕН
ПОЛЕТ «БОСОНОЖЕК».

В понимании изобразительного искусства были мы в те годы юности — то озорные снобы, то просто невежды, несведущи! Случилось так, что Ван Гога, Гогена мы увидели, узнали (на выставках в Киеве) раньше, чем Боровиковского, Брюллова, Крамского. С легкой руки историка искусств Бенуа вдруг ополчились мы на Репина, разругали картину «Какой простор» за «грубую символику», за «николаевскую шинель» героя

развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Сост. Н. Букс, Е. Пенская. М., 2017. С. 134–157.

⁷⁴ См. примеч. 8.

⁷⁵ Жюльен Сорель — герой романа Стендаля «Красное и черное».

⁷⁶ Перечислены герои романов Стендаля «Пармская обитель» и «Красное и черное». В современных переводах названная последней героиня титулуется «герцогиня Сенсеверина», в старых — «Сансеверина».

картины студента, легкомысленно окунающего шинель эту в соленые воды⁷⁷. Словом, тешась, пугали речами о Репине собеседниц курсисток (оказалось впоследствии, лучше нас разобравшихся в Репине). Но зато яро пропагандировали Врубеля («Пан», «Демон») и... французского художника Фелисьена Ропса, «Бодлэра в живописи и в рисунках»⁷⁸.

В 1908 (или 1909 г.) какие-то безумные жулики выкрали из Лувра «Джоконду» Л. да Винчи. Это было в те годы мировой сенсацией не меньшей, чем гибель «Титаника»⁷⁹.

И портрет бедной Моны Лизы незамедлительно появился на коробках с пудрой, конфетами, одеколоном, духами. Разъяренные этим, стали мы шельмовать на наших собраниях и вечеринках «бессмертную людскую пошлость», но досталось, как это ни странно, не только мешанам, заговорившим вдруг о «загадочной улыбке исчезнувшей Джоконды», но и самому да Винчи, и... Рафаэлю (перекликнулись с Базаровым!).

А один из главных «заводил» нашего клана Пьер И. вещал, что когда произведения великих мастеров делаются достоянием пошлой толпы, — «сами произведения перевоплощаются в банальность, пошлость...»

И в виде какого-то протеста Ярский⁸⁰ и Пьер, купив на последние деньги немецкие издания (альбомы) монографии о «праерафаэлитях», познакомили «непосвященных» юношей и дев с репродукциями с картин мистиков Берн-Джонса и Данте Габриеля Росетти — английских «праерафаэлитов».

Никто из нас не мечтал «стать артистом», но шуршание театрального занавеса было для нас началом некой небесной симфонии.

Очень сильно обламывал наши души в те годы (1907–10) Ибсен, его драмы. Цитаты из «Гедды Габлер», из «Пера Гюнта» стали у нас оби-

⁷⁷ Подразумевается картина Репина 1903 г., на которой изображены студент и барышня, стоящие среди бушующих волн. Впервые выставленная на 31-й выставке передвижников весной 1903 г., она вызвала беспрецедентный вал печатных отзывов (см. библиографию: *Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В.* Товарищество передвижных художественных выставок. Т. 2: Обзоры выставок в периодической печати. М., 1959. С. 265–271). Взгляды А. Бенуа на Репина суммированы в соответствующей главе его монографии «История русской живописи в XIX веке» (СПб., 1902. С. 175–186).

⁷⁸ Источник цитаты (если он существовал) не обнаружен. Ф. Ропс сопоставляется с Бодлером в статье И. Грабаря «Письма из Мюнхена. II. Фелисьен Ропс» (Мир искусства. 1899. № 5. С. 31, 33) и в монографии Н. Евреинова (*Евреинов Н.* Ропс. Критический очерк. СПб., 1910. С. 27).

⁷⁹ «Джоконда» была похищена 21 августа 1911 г. В одном из киевских литературных журналов по этому поводу писалось: «Пропала Джоконда! / Поют печально барды. / Пропала Джоконда; / Наследье Леонардо. // Печальные стены Лувра; / Полиция плачет горько / И шарит в портах Дувра / В палатце Нью-Йорка. // Но мало перемены — / Конца нет сыска преньям; / От пэра до гамона / Все, все под подозреньем. // Стал миллионным фондом / Фонд, собранный для вора; / Но нет все Джоконды — / И полон Лувр позора» (*Строй-Нов.* Джоконда // Киевская неделя. 1911. № 5, 27 авг. С. 14).

⁸⁰ Неустановленное лицо.

ходными словечками. Мы (наивно, вероятно) находили черты Сольвейг у А.-филологички, а политехника Б. находили похожим на Левборга, потерявшего свою рукопись в кабаке («Гедда Габлер»). (Политехник от увлечения поэзией перешел к увлечению занятиями в Институте).

Спорили на тему тезиса ибсеновского доктора Штокмана: «сильнее всего в мире — тот, кто больше всех одиноков». Заколдовал нас Пер Гюнт (серебро григовских мелодий способствовало этому немало). Мы счастливо (это «счастье» мы поняли, однако, много позднее!) прошли мимо драм Станислава Пшибышевского, разрешающих путанные сексуальные неполадки.

Но уже не к счастью, а юношеского снобизма ради никогда не простаивали ночами в очередях «на Шалапина и на Собинова» (Голос Собинова сводил с ума иных наших сверстниц-курсисток). Слушали мы «знаменитостей» весьма редко, больше на студенческих «благотворительных концертах». Драмы Метерлинка «принимались», а музыку И. Саца к «Синей птице»⁸¹ расценили, как трогательно-простую, почти гениальную.

Начиная с гимназических моих лет, в каком бы городе или городке я ни жил — Измаиле, Одессе, Киеве, Москве, Тбилиси — рано или поздно туда, как херувимы, прилетали два одаренных брата-Адельгейма. Наш «клан» по без споров установившейся традиции, считал обязательным вспоминать гимназические годы и смотреть гастролеров Адельгеймов, пережить театральный трепет сильно драматических пьес «Казнь», «Трильби»⁸².

Пьеса А. Дюма «Кин» и весьма чувствительная драма «Две сиротки»⁸³ пронизывали нас не меньшим трепетом. В «Кине» нашим любимцем-исполнителем был артист Блюменталь-Тамарин⁸⁴. Был слушок (вероятно несоответствующий истине, как 99/100 таких слухов), что Б.Тамарин в жизни своей похож на героя драмы великого Кина, беспутного гения.

Но слушку мы верили, и смотрели пьесу и «Кина» с Блюменталь-Тамариным с замиранием сердца.

Пьеса «Две сиротки» (XVIII век, канун Великой Французской революции) десятки лет не сходила со сцены, а в 1930 г. в Москве в Худо-

---

⁸¹ Наиболее известное произведение Ильи Александровича Саца (1875–1917), созданное для постановки «Синей птицы» в Московском Художественном театре (премьера 30 сентября 1908 г.).

⁸² Роберт Львович (1860–1934) и Рафаил Львович (1861–1938) Адельгейм. «Трильби» и «Казнь» — пьесы Григория Григорьевича Ге (1867–1942).

⁸³ Пьеса А.Ф. Деннери и П.-Э. Кормона.

⁸⁴ Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин (1881–1945). Возможно, далее Мозалевский, говоря о «слушке», намекает на действительно имевшее место в годы войны энергичное коллаборантство актера, заочно приговоренного в СССР к смертной казни и убитого в Германии при таинственных обстоятельствах.

жественном театре она с успехом шла под названием «Сестры Жерар». Тонко и выразительно играл в ней роль добродетельного точильщика ножей и ножниц молодой артист Х[удожественного] Т[еатра] Владимир Сеницын, с которым был я знаком и дружен в последние годы его жизни. В судьбе и жизни этого артиста было что-то «киновское», а жизнь свою окончил он тоже почти что безумным образом: он, хороший, ловкий гимнаст, любил лазить по карнизам и в 1930 г. (нарочно или случайно?) сорвался с 5-ого этажа и разбился насмерть. Он создал незабываемый образ Яго, но об этом забыли⁸⁵.

В 1907–09 гг. в Киеве мы мечтали увидеть в театре пьесы Карло Гоцци, инсценировку повестей Амадея Гофмана. Мечтали, злобствуя и скрежеща зубами, так как афиши в большинстве своем вешали нам о представлениях «пошлых» и «безвкусных», «успокаивающих обывательщину» пьес, каких-то: «Золотых клеток»⁸⁶, пьес Потапенко, Анри Батайля⁸⁷, «Шерлока Холмса» Протопопова⁸⁸.

Увы, много лет спустя (1921–22 г.), когда война и другие грозные встряски человечества рассеяли наш клан, я в Москве увидел (без ожидаемого трепета, однако, года выветрили его) — и «Принцессу Брамбиллу» (Камерный театр) и «Турандот» — гениальную выдумку артиста Вахтангова. «Турандот» шла в студии Художественного театра, ныне театр Вахтангова. Было холодно, вряд ли топили в помещении театра... Но как было пышно, остроумно, звонко, какая жизнь, какая радость в публике и на сцене! И никакие гурии и херувимы не играли бы и не пели бы лучше, чем артисты студии Вахтангова, играющие «на гребешках» шедевры Сизова⁸⁹, написавшего музыку к «Турандот».

---

⁸⁵ Владимир Андреевич Сеницын (1893–1930) — артист МХАТ, масон, член ложи, возглавлявшейся поэтом Б.М. Зубакиным. Последний посвятил его памяти стихотворение «Ночь» («Оставьте путнику ночному...»: *Зубакин Б. Медведь на бульваре.* [М.], МСМХХХХ. С. 43), где иносказательно описывается его самоубийство.

⁸⁶ «Золотая клетка» — пьеса К.С. Гогеля (Острожского).

⁸⁷ Анри Батайль (1872–1922) — французский драматург. В России были популярны его пьесы «Он осмелился», «Нежность», «Светочи», «Вечер любви», «Дитя любви», «Неразумная дева» и др.

⁸⁸ Виктор Викторович Протопопов (1866–1916) был лишь переводчиком пьесы Ф. Бона «Шерлок Холмс».

⁸⁹ Николай Иванович Сизов (1886–1963). Ср. в воспоминаниях Ю.Б. Елагина: «Это был угрюмый, на редкость неприветливый и неразговорчивый молодой человек. Его звали Николай Иванович Сизов. Незадолго до того он окончил Московскую государственную консерваторию по классу Николая Метнера. Кроме нескольких маленьких сочинений для роля и голоса, Сизов ничего не написал и композитором себя не считал. Две ночи напролет говорил с ним Вахтангов, развивая свои идеи о музыке к “Турандот”, и, к концу второй ночи, убедился, что хмурый молодой человек понял его вполне. И это было действительно так. “Принцесса Турандот” получила именно ту музыку, какую должна была получить. Как верно найденная краска в картине, эта музыка вошла в спектакль, создавая вместе с актерами и художником совершенное произведение искусства. Интересно, что Сизов ввел

Сейчас по совершенно непонятным причинам исчезла со сцены одноактная пьеса Артура Шницлера (Австрия) «Зеленый попугай». События пьесы происходят в кабачке дяди Проспера в день 14 июля 1769 года — взятия Бастилии. Пьеса полна динамики, актеры, воры, аристократы, полицейские сыщики — все живет, стремительно, бурно, — вы чувствуете на щеках пламя революции, слышите грохот обрушивающихся камней Бастилии. Когда мы в Киеве где-то в маленьком театре смотрели эту пьесу, по всамделишному затаив дыхание, зачарованные, способные выбежать из театра и разгромить царские бастилии, — ведь нам казалось: «Да, да и у нас в России, в Киеве 1907 (или 1908 гг.) зажглось пламя революции», и мы кричали в финале пьесы вместе с актерами «Зеленого попугая», вместе с большей частью публики: Да здравствует свобода! Да здравствует свобода!⁹⁰

Мы были отравлены волшебными музами Терпсихорой, Эрато, Клио, Мельпоменой, но это не значит, что к борьбе нас изо дня в день не звала та «Муза», которой имя Революция.

1905–06 гг. мы шли за ней в гимназических куртках. Студентами мы, наш клан, принимали участие в т.н. «студенческих беспорядках», в 1907–08 гг. меня, Ярского и двух других близких клану студентов арестовала полиция за участие в «беспорядках» и [мы] были исключены из слушателей «Университета св. Владимира»⁹¹.

В 1908 г. в Россию приехала прошумевшая тогда «на весь мир» знаменитая танцовщица «босоножка» Айседора Дункан. Показала она свое искусство и в Киеве. И... «пошла писать (т.е. плясать!) губерния»...

Эстетствующие курсистки филологички, исторички, слушательницы всяких фельдшерских и массажа курсов, просто иные мамини дочки на выданье, киевские Ирины, Ревекки, Матильды и даже новонареченные «Айседоры» стали танцевать в клубах, на вечеринках, на всяких благотворительных вечерах, одетые только в белые хитоны, и, конечно, босые, с распущенными волосами.

Плясали они... Шопэна, Листа, Грига. Тогдашней публике (не всей, конечно), увидевшей в системе Айседоры что-то протестующее, что-то новое в танце без юбочек, пачек и туфелек и Айседора и «движение босоножек» пришлось по вкусу. «Босоножки» долго еще плясали и иные кочевряжились на подмостках всяких «театров-миниатюр», но взорвался войной 1914 год и пришла пора и им обуться, мода на них ушла.

в состав оркестра гребешки, покрытые папиросной бумагой, придав общему звучанию характер странный, резкий и пронзительный» (*Елагин Ю.Б.* Укрощение искусств. М., 2002. С. 31; ср.: Там же. С. 88–95).

⁹⁰ Киевские постановки «Зеленого попугая» 1900-х гг. нам неизвестны.

⁹¹ О студенческих беспорядках в Киеве см.: *Бондаренко И.Н.* Большевики Киева в первой русской революции (1905–1907 гг.). Киев, 1960. С. 170–184.

МУЗЫКА БЕТХОВЕНА, ШОПЭНА, ГРИГА.
«ССОРА» С ВАГНЕРОМ. КИЕВ 1907–10 ГГ.

И, конечно, музыка воспитывала, облагораживала бушующие сердца юнцов. Были мелодии, которым долгие годы мы не могли «внимать без волнения». Экспромты Шуберта — «Лесной царь», фортепианные сонаты Бетховена. Особенно «Лунная», «Патетическая». И Григ — навалился на наши души, как северный медведь, своими «Пер Гюнтом», сонатами, песнями, концертами для фортепиано с оркестром.

Я пишу о неведомом «маленьком клане» — нескольких юношах-студентах, отравленных искусством — поэзией, литературой, театром, музыкой.

Но мы не были какими-то особенными «вне, экстрa, сверх», таких заколдованных музами было немало. Один из нашего клана, Пьер И., был увлечен Себастьяном Бахом, Гайдном, Генделем. Другие не поняли, вероятно, ни фуг, ни ораторий — не зачаровывались.

Шопэн, его образ, его жизнь, его музыка — все было «нашим». Шопэн не только в вальсах, полонезах, балладах, скерцо, сонатах, мы любили слушать этюды, особенно один этюд, т.н. «революционный». Как часто вели мы беседы о жизни Шопэна в Париже, о его романе с Жорж Занд, кто-то из нас зло ругал «Аврору Дюдеван» за то, что она... погубила Шопэна, «втащила его в себя», в свои суматошные сумасшедшие, семейные и прочие дела в Париже и Ногане. И этот же кто-то говорил, что недаром Достоевский относился к Ж. Занд и «Жоржзандкам» с глубокой иронией.

Другой («посмертный») этюд Шопэна мы пронесли через всю нашу (короткую, увы, для клана!) жизнь, этюд не меланхолический, не отчаяния, а наполненный радостью, надеждами, уверенным спокойствием летней вечерней зари.

К сожалению по бедности нашей (а м.б. просто из лени стоять в очередях) мы редко слыхали музыку в концертных залах. Наши спутницы — курсистки и консерваторки, а порой мамы и бабушки их, играли нам на пианино, на рояле, а знакомые «самодеятельные» студенты играли на скрипке. Нам казалось, что играют все они тонко, прочувствовано и не надо было нам игры Кубелика или Ауэра.

Одно время вдруг мы ополчились против Вагнера. Член «клана» Ярский убедил нас, что в музыке Вагнера уж слишком много труб, литавр, барабанов, воинствующей тевтонской спеси и в доказательство приводил... победы немцев в 1871 г., рассказы Мопассана о войне 1871 г. и даже слова Ницше (цитирую на память): «Вагнер нашел в музыке средство возбуждать усталые нервы и сделал музыку большой»⁹².

⁹² Из статьи Ницше «Казус Вагнера. Проблема музыканта»: «Вагнер — великая порча для музыки. Он угадал в ней средство возбуждать больные нервы, — для этого

Но к 1909 г. — 1910 г. мы поумнели и в опьянении слушали в Киевском оперном театре «Полет Валькирии», чертыхаясь и ругая (неизвестно кого!), что так редко можно услышать в Киеве «Тангейзера», «Лоэнгрина», а уж слышать «Смерть Изольды», «Парсифэль» — совершенно несбыточная мечта!⁹³

К сожалению, долгие годы (1907–1910) наша родная русская музыка — Глинка, Чайковский, Мусоргский, Бородин, Рахманинов — звучала где-то далеко от нас. Вероятно, отчасти и потому, что на оперный театр не хватало денег. Но «Времена года» Чайковского мы все знали и любили еще с гимназических лет. Наши мамы и тетки воспитывались на них.

Моцарта, как следует, мы не знали, но мы никогда (до конца клана) не теряли из вида маячащий в призрачных даях величественный, как памятник Мавзолу, памятник — бессмертный «Реквием». «Моцарт и Сальери» Пушкина мы читали беспрестанно и почти всю трагедию знали наизусть. Но оперы «Моцарт и Сальери» тогда не слышали и даже не знали об ее существовании.

Строгие и благородные музы музыки, быть может, спасли нас в будущем от заманчивого увлечения какофоническими стихами, выкрикнутыми в 1913–14 гг. — спасли от всех этих — «Дыр... Бул... шур...», «О, засмейтесь, смехачи...», «Кричу кирпичу... Чу»⁹⁴ и от других в подобном роде давно забытых призраков галиматьи.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ. МОСКВА 1912 Г.

Свой (один из первых) рассказов «Вивея»⁹⁵ я писал в читальных залах Киевской Публичной библиотеки, где тогда работал Пьер И.

Он первый вселил в нас очарование гофманской фантастики (1907–08 гг.), а позднее, убрав Гофмана с полок библиотеки душ наших, достаточно смятенных, наполнил полки эти романами Стендаля и Бальзака.

он сделал больною музыку» (*Ницше Ф.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. СПб., 2011. С. 239; пер. Н. Полилова, Я. Бермана).

⁹³ Согласно отзывам киевской печати, «Валькирия» была впервые поставлена в Киевской опере в сезон 1908/1909 гг. (*Орфей.* Городской театр // В мире искусств. 1909. № 2/3. С. 48; рецензент сообщает, среди прочего: «Нельзя упускать из виду и того, что киевская опера первая в провинции решилась показать Вагнера (читатель, разумеется, понимает, что я говорю не про Вагнера, как автора «Тангейзера» и «Лоэнгрина», а про Вагнера-реформатора)); «Тангейзер», начиная с сезона 1909/1910 гг., был введен в постоянный репертуар той же оперы, а «Зигфрид» отложен до следующего года (см.: *Орфей.* Музыкальные итоги сезона // В мире искусств. 1910. № 1/3. С. 48).

⁹⁴ Перечислены знаменитые строки А. Крученых (правильно: «Дыр бул щыл»), В. Хлебникова (первая строка ст-ния «Заключение смехом»; правильно: «О, рассмейтесь, смехачи!...»), В. Маяковского (из ст-ния «Я» («По мостовой / моей души изъезженной...»); правильно: «Кричу кирпичу»).

⁹⁵ Напечатан: *Мозалевский В.* Фантастические рассказы. М., 1913. С. 5–25.

Рассказ свой я осмелился послать в журнал «Аполлон» (Петербург).

Рассказ не взяли, но я получил одобряющие письма: от редакции и от поэта Михаила Кузмина, книгу стихов которого «Сети» мы хорошо знали⁹⁶.

Кузмин в очень приветливых словах отозвался о рассказе, нашел в нем что-то.

А через год, переведясь в Московский Университет⁹⁷ (почти все члены «клана» переехали в Москву) я отправился с письмом М.А. Кузмина к В.Я. Брюсову на дом и, конечно, шел не без волнения...⁹⁸

Незабываемый Валерий Яковлевич! Увидел я его в черном сюртуке, показался он мне строгим, чуть надменным, каким-то сверх взрослым, но вдруг одна мимолетная улыбка его сразу подбодрила меня, прием оказан был радушный. Он довольно быстро прочел мою рукопись и пригласил бывать на (литературных) «четвергах» в его квартире на 1-й Мещанской улице.

Я всю жизнь помнил его чуткое заботливое отношение ко мне, желторотому тогда еще какому-то начинающему «кропателю» от литературы. И ведь не только ко мне он так человечески отнесся. Я встречал на его «четвергах» самую разнообразную молодежь, рвущуюся (или лезущую) в литературу, поэзию, жаждущую говорить, писать, печататься.

Ведь в 1912 г. (год встречи моей с ним) он был занят чрезвычайно, он был отцом символизма, редактором многих изданий, директором Московского Литературно художественного кружка, редактором культурнейшего передового ежемесячника-журнала «Русская мысль», директором (или председателем?) Литературного «Общества свободной Эстетики»... (о нем, обществе этом, скажу дальше).

И вот Брюсов находил время слушать меня, говорить со мной о моих рассказах, планах, о Гофмане и немецких романтических повестях начала XIX века и о многом другом, а с каким-то вихрастым студентом Ш.⁹⁹ (по совести сказать, показавшимся мне не совсем «в себе») чуть не час говорить об йогах, о какой-то неведомой мне тогда Анни Безант и о высшей математике.

В.Я. Брюсов ввел меня в «Общество Свободной Эстетики», им взлелеянное литературное Общество, где писатели и поэты читали свои произведения, где организовывались концерты, диспуты.

⁹⁶ Эти письма не сохранились.

⁹⁷ Мозалевский перевелся в Московский университет перед последним курсом, в 1912 г., и закончил его в 1913-м (личное дело: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 326. Ед. хр. 1280).

⁹⁸ Подробнее об этом визите и предшествовавшем ему письме см. во вступительной заметке.

⁹⁹ Неустановленное лицо.

Один из современных нам ведущих писателей, бывавший в те годы в «О.С.Э.» в дни своей молодости, почел за благо поругать, унижить «О-во Свободной Эстетики»: «разряженные эстетствующие дамы-де развлекались там, попивая жиденский чай» и... будто бы ничего боле?¹⁰⁰

Но это, конечно, не так. И попробуем «о мертвых», об этом Обществе, сказать хорошо. Были там на вечерах, разумеется и эстетствующие дамы, и блистали красотой, нарядами и камнями богатые буржуазки, лик которых мы и сейчас можем увидеть в музеях на полотнах больших художников. Но я слышал там, в «обществе», игру Рахманинова, Бориса Красина, Добровейна, Сабанеева. Читал свои рассказы и стихи Валерий Брюсов, Садовской Борис, Ходасевич Владислав. Нам мальчишкам (каким был и измурдовавший [sic] впоследствии «Общество» писатель) давали показать свое что-то. Стихи и какие-то доклады читал Вадим Шершеневич, читали там поэты Николай Бернер, Осип Мандельштам, С. Рубанович, К. Липскеров, всех не припомнишь, прошло свыше 40 лет!¹⁰¹

Неутомимый В.Я. Брюсов организовывал в «Обществе» конкурсы баллад, вирелэ, организов[ыв]ал выставки художников «Мир искусства», музыкальные вечера.

В начале 1914 года мы слышали там Эмиля Верхарна и слушали со священным вниманием великого поэта Бельгии, друга Брюсова не только «эстетствующие» дамы...¹⁰² И насколько помню в залах «Общества»

¹⁰⁰ Имеется в виду рассказ Л. Никулина «Вот Москва», где, в частности, говорилось: «В проходной комнате раз в неделю собиралось общество “Свободная эстетика”. Поэты читали стихи и запивали жиденским чаем с лимоном. Литературные дамочки томилась от стихов Северянина — он снизошел до “Свободной эстетики” и позволил себя чествовать товарищеским ужином вкладчину» (*Никулин Л.* Вот Москва // Красная новь. 1935. № 5. С. 103).

¹⁰¹ Впервые имя Мозалевского появляется в списке «Членов-посетителей» «Общества свободной эстетики» в сезоне 1913 — 1914 гг. (см. печатный экземпляр списка, отложившийся в архиве Брюсова: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 42. Л. 34 об.), при этом посещать открытые и «полуоткрытые» заседания он мог и не будучи членом общества. Его членский билет сохранился: РГАЛИ. Ф. 2151. Оп. 1. Ед. хр. 3. Сам он выступал в «Эстетике» с чтением рассказа «Вивея» 24 января 1913 г. Существенную часть перечисленных поэтов он мог слышать в одном заседании, на «вечере поэтов» 3 ноября 1911 г., ср. в рукописном отчете: «Вечер поэтов. Читали свои произведения Алякринский, Ю. Анисимов, В.Я. Брюсов, А. Булдеев, С. Головачевский, М. Гальперин, С. Липскеров, Н. Львова, С. Раевский, С.Я. Рубанович, Борис Садовской, А. Сидоров, В. Станевич, В. Ходасевич, В. Шершеневич, М.Я. Шик, И.И. Шюзевиль. В конце вечера В.Я. Брюсов объявил о поэтическом конкурсе, устраиваемом Обществом. Присутствовало 160 человек» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 76). Н. Бернер читал доклад «Весна или осень русской поэзии» 25 апреля 1913 г. Выступление Мандельштама в «Обществе свободной эстетики» нам неизвестно.

¹⁰² Э. Верхарн выступал в «Свободной эстетике» 3 декабря 1913 г. Подробности подготовки визита см.: Переписка [Брюсова] с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / Вступ. ст. и публ. Т. Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 616–619.

в том же 1914 году патетически читал свои стихи «король поэтов» француз Поль Фор¹⁰³ и там же шумел воинственный итальянский футурист Маринетти, поведавши слушателям о детище своем не менее воинственном футуристе Мафарке (в потенции фашистском молодчике!)¹⁰⁴.

Может быть в воспоминаниях и неудобно говорить об этом, но разве можно вспоминать о Валерии Яковлевиче и не сказать о гостеприимной чудесной хозяйке салона на 1-й Мещанской-32, об образованнейшей женщине эпохи, верной подруге, помощнице поэта, о женщине, которой мы должны гордиться так же, как гордимся О.С. Чернышевской, Марией Башкирцевой и другими «Русскими женщинами». Я говорю об Иоанне Матвеевне Брюсовой.

МОСКВА 1911–15 ГГ.

ПИВНЫЕ МОСКВЫ. ЖУРНАЛ «САТИРИКОН», САША ЧЕРНЫЙ,
АВЕРЧЕНКО. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ В ПИВНОЙ.
БУРГУНДСКОЕ ВИНО.

Нас, наш «маленький клан», в те годы (1911–1914) буквально очаровывали... московские пивные. Много было их раскидано по городу. Они заменяли нам (конечно, в фантазии), потенциально великим поэтам, беллетристам, художникам те кабачки и кафе, в которых мы бывали в мечтах же, — путешествуя по романам Бальзака, Флобера, рассказам Мопассана.

Дешевенькое пиво в кружках, скромные дешевые закуски. К пиву на чистых блюдечках подавались (бесплатно) мятый горошек, моченый горошек натуральный, кусочки воблы, копченой колбаски, 2–3 солью посыпанных бублика или солененькие же сухарики из черного хлеба. Иногда заказывали мы и яичницу и «печеные» яйца, раков, сосиски, но это был для нас уже некий «люкс».

За кружкой пива заводились знакомства с посетителями пивной, говорили о событиях дня, о театре (как-то спорили о постановке в Художественном Театре «Братьев Карамазовых»), кто-то из студентов парадоксально доказывал, что играя барона Тузенбаха в «Трех сестрах»,

¹⁰³ Поль Фор, стихи которого перевел Брюсов, был в России в 1914 г., подробнее см.: *Тименчик Р.* Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire.* Lausanne, 1995. P. 145–149.

¹⁰⁴ Ф.Т. Маринетти выступал в Обществе свободной эстетики 13 февраля 1914 г. (см.: *Харджиев Н.* От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. М., 2006. С. 129–133). О шумном скандале, устроенном футуристами на его выступлении, см.: *Асеев Н.* Родословная поэзии. М., 1990. С. 250–251; ср. также газетные отчеты: *Б.л.* Футуристская битва в «Эстетике» (Русские ведомости. 1914. № 37. 14 февр. С. 5); «Инциденты в Кружке» (Русское слово. 1914. № 37. 14 февр. С. 5). Мафарка-эль-Бар — герой книги Маринетти «Футурист Мафарка. Африканский роман» (русское изд.: М., 1916; пер. В.Г. Шершеневича).

Качалов в звучание речи барона ввел... карамазовщину¹⁰⁵). В пивной самые разнообразные посетители-студенты, пролетарии, которые в наши пивные ходили, быть может, вовсе не для того, чтобы судачить с нами о балканской войне, а для встреч с товарищами по делам борьбы с царской властью, какие-то скромные московские клерки, порою старые выпивохи в стиле Мармеладова (конечно, они не были такими Мармеладовыми на самом деле, а это мы глядели на них сквозь «магический кристалл» литературы).

Иногда затевался общий волнующий разговор и неизменно, конечно, ругали и правительство и царя. Может быть и вероятнее всего в пивной посиживали и «шпики», но мы болтуны-студенты, да еще болтающие нередко о таких скучнейших с точки зрения шпииков вещах, как драмы Ибсена «Гедда Габлер», цитирующие ибсеновского же Пера Гюнта и Бранда — вряд ли их заинтересовывали...

Во многих пивных бывал телефон, так и вещала вывеска «Пивная. Телефон». В иных пивных в специальных рамках-палках — «к услугам посетителей» — немало было газет, журналов. Читали мы там «литературную страничку» петербургской газеты, газеты с весьма своеобразными названиями: «Биржевые ведомости». Читали юмористический журнал «Сатирикон», журнал «Огонек» и вылетевший в те же годы бомбой бульварный «желтый» в полном смысле этого слова, но называвшийся «Синим» (по обложке) «Синий журнал»¹⁰⁶. Журнал был наполнен всякой всячиной, сплетнями, литературными, политическими, всякими выкрутасами в духе Лямшина из «Бесов» Достоевского.

Упивались мы в «Сатириконе» стихами Саши Черного. Но как-то всех нас почему-то возмущали такие его строки, как: «Она целовала меня, я ее тоже *обратно*»¹⁰⁷.

Правилось и запомнилось надолго (по сейчас)

«...Васильевский остров
прекрасен, как жаба
в манжетах»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Премьера «Братьев Карамазовых» в Московском Художественном театре состоялась 12 и 13 октября 1910 г. (спектакль шел два вечера; В.И. Качалов играл Ивана Карамазова); «Три сестры» были поставлены еще в 1901 г., Качалов играл Тузенбаха с 1902 г.

¹⁰⁶ «Синий журнал» выходил в Петербурге (Петрограде) с 1910 по 1918 г.

¹⁰⁷ Из стихотворения «Прекрасный Иосиф» («Томьясь, я сидел в уголке...»); впервые: Альманах «Шиповник». Кн. 13. 1910. С. 125–127. По поводу этого выражения возникла отдельная полемика, в ходе которой автору пришлось объясняться, см.: *Черный С.* «Обратно» // Сатирикон. 1910. № 44. С. 5.

¹⁰⁸ Из стихотворения «Под сурдинку» («Хочу отдохнуть от сатиры...»); впервые: Сатирикон. 1909. № 44. С. 5.

Или (на даче)

«Звонок! Шаромыжник бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Приходит, подсел к фортепьяно
И лупит... Неправда ли странно?

...Прилезла рябая девица
Нечаянно «Месяц в деревне»
Прочла и пришла поделиться...»

Словом, дачники...
в отчаянии.

«...Какие-то люди звонили,
Какие-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за вьюшкой грязной
Над жизнью моей безобразной...»¹⁰⁹

Или запомнилось (цитирую все на память, м.б. не совсем точно)

«Любил медичку филолог.
Фадей Николаевич Смяткин,
Рассказ мой будет недолог,
Филолог влюбился по пятки».

Филолог ждет свою «мечту» в ее комнате. Наконец, поздно вечером она приходит.

«...Устала. Вскрывала студента
Труп был мерзок и грязен,
Холодна была сталь инструмента».

Она поведала далее, что «срезала пуповину, разлагала мочевины»
И нежно предлагает Смяткину «чаю».

«— Спасибо, ответил он глухо...
Словом, филолог удрал,
Любовь ухнула»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Из стихотворения «Всероссийское горе» («Итак — начинается утро...»); впервые: Сатирикон. 1910. № 2. С. 2.

¹¹⁰ Со значительными разночтениями цитируется стихотворение «Городская сказка» («Профиль тоньше камеи...»); впервые: Сатирикон. 1909. № 46. С. 7.

В «Сатириконе» были интересные хлесткие карикатуры (художников Радакова, Ре-ми), в карикатурах высмеивались Гучковы, Пуришкевичи, Марковы, пошляки, тогдашние мещане... К сожалению, мало что запомнилось в деталях. Помню только, в одном из номеров (на первом листе) был нарисован отцом (или генералом) литературы Лев Толстой, а у ног его целый выводок «детей» — современных писателей — Леонид Андреев, Арцыбашев, других не помню, вероятно, Сологуб Федор был там. В руках у Толстого — дитя — писатель Куприн с книжкой в руках — держит рассказ свой «Изумруд». Толстой гладит разумное дитя по головке, нравоучительно говоря, что те вон внизу пишут невесть что, а «капитан» Куприн взял кусочек настоящей жизни и создал «Изумруд»¹¹¹. «Сатирикон» громил декадентов.

В Аверченко, капитане «Сатирикона», мы находили многое от раннего Чехова, но иногда спорили, нет ли в нем и Джером К. Джерома, и Марка Твена, и... что-то есть в нем от одесского коммивояжера-весельчака и неистощимого анекдот-махера. Как-то кто-то из нас вслух прочел всем гостям пивной рассказ Аверченко «Бургундское вино»¹¹². И всем слушателям рассказ понравился чрезвычайно. Много смеялись.

Постараюсь посылить припомнить содержание рассказа:

Петербургский извозчик, ну из таких, каким он знаком нам по чеховскому рассказу, медленно везет зимним вечером на санках барина в собольей шубе и закутанную в меха и шали благоуханную даму, везет он их в ресторан. Извозчик мало прислушивается к словам седоков, но запоминает некий диалог (имевший для извозчика роковое значение!)

— Зачем ты меня везешь в ресторан, милый? Сегодня мне так не хочется пить... — говорит дама.

— И не надо пить, дорогая. Ну закажем что-нибудь легкое, воздушное. Какое-нибудь бургундское...

Поздно ночью, развезя по домам соответствующую партию пьяных или трезвых обывателей, извозчик отправляется в ночной извозничий трактир и там, вытряхивая санный коврик, обретает оброненный каким-то седоком туго набитый кредитками бумажник. Он смутно вспоминает, что видел такой точно бумажник у давешнего седока в собольей шубе.

— Эх вы — укоризненно шепчет извозчик. — Вот тебе и бурхундское.

Извозчик честен. Ему удается найти собственника сокровищ, тот оказался крупным судебным работником — мировым судьей и извозчик

¹¹¹ Вероятно, ошибка памяти: в «Сатириконе» подобная карикатура не появлялась (хотя сам Толстой регулярно изображался и даже был центральным персонажем особого «толстовского номера» — 1908. № 21, 30 авг.).

¹¹² Автор пересказывает рассказ Аверченко «Приключение номера 24345» (Сатирикон. 1909. № 38. С. 7–8).

возвращает судье утерянное. Судья в умилении от честности русского извозчика и вознаграждает эту честность кредиткой в 25 рублей.

Извозчик, однако, выходит из кабинета судьи с ощущением какой-то досады. — Что же делать с этими деньгами? Деньги эти дурные. Надо их не иначе, как пропить.

Поздно вечером он выпивает в трактире изрядное количество водки, съедает и кулебяки, и сельдь, и осетрину с хреном, но «дурные деньги» истрачены не целиком.

— Слушай, милый, обращается он к трактирному половому — А бурхундское у вас есть?

Малый удивлен таким вопросом, но отвечает.

— Вино бургундское? Найдется.

— Так подай мне квартиру что ли...

— Какую такую квартиру? Бутылочку прикажете?

И извозчику подали бутылку кислого бургундского вина.

«Всем известно, — говорит Аверченко, — что бургундское вино производит действие легкого изящного опьянения, но на извозчика оно подействовало ужасно...»

Он рассвирепел. Он сразу как-то познал мерзость социального неравенства, гнусность буржуазно-помещичьего строя, когда одни, моты, развратники, угнетатели грабят народ, пьют бургундские вина, а народ в унижении, в нищете, в голоде... Извозчик, взволнованный вином, тяжелыми мыслями, учиняет в трактире великий дебош и попадает в полицейский участок.

А за дебош его судит тот самый мировой судья... Судья, выслушав извозчика, признает его виновным, но после долгого раздумия, выносит оправдательный приговор, «ввиду наличия в деле смягчающих обстоятельств».

Конечно, надо бы прочитать сейчас рассказ Аверченко, чтобы понять, почему московская «харчевня Королевы Педок»¹¹³, т.е. московская пивная закружилась тогда в смехе. Но где же достать сейчас книги Аверченко, и приходится ограничиться моим скромным пересказом.

Аркадий Аверченко давно умер. Он, обуреваемый идеями Остапа Бендера, увы, как «осколок разбитого вдребезги» (название книги Аверченко о белоэмиграции) вылетел из России.

Трудно понять, почему уехал он. Он смело мог бы до конца своих дней идти по путям русской, т.н. юмористической литературы рядом с Пантелеймоном Романовым, Зощенко, да, я думаю, и Ильф и Петров не пренебрегли бы его дружеским рукопожатием собрата.

¹¹³ Название повести Анатоля Франса (в других переводах — «Харчевня королевы Гусиные лапки»).

В «Синем журнале», помню блеснул в 1910 или 1911 г. мемуарами какой-то знаменитый тогда атлет-борец (забыл фамилию, что, впрочем, неважно!). Он сверкающими фразами писал, как он клал на обе лопатки других не менее знаменитых, как пьянит слава, писал о горящих глазах зрителей цирка, «женщины бросаются мне на шею...» и пр. и пр...¹¹⁴

Кстати сказать, тогда еще шумел пошлейший роман Арцыбашева «Санин».

Тема «клоуна», или, как сказали бы сейчас «артиста цирка», была когда-то очень модной, вдруг снова разгорелась, а Леонид Андреев и Куприн своими рассказами и пьесами подливали масла в огонь¹¹⁵. Нашему маленькому «клану» тема казалась пошлой, избитой, но для обитателей пивных 1911–1914 гг. она была и гвоздевой и огневой и мы все же принимали большое участие во всяких разглаголях и дискуссиях на эту тему.

Как-то уже в другом месте, в кофейной под названием «Кофейня грека» на Тверском бульваре¹¹⁶, студент Ярский с пеной у рта старался доказать незнакомцу писательского вида в черном пальто при черной пушкинской шляпе, что после шедевров «Братьев Земгано» Гонкуров, после «Гутаперчевого мальчика» Григоровича, после «Четырех бесов» Банга и «Каштанки» Чехова — много было написано пошлостей о клоунах и цирке, а «Тот» — Леонида Андреева, рассказы из жизни цирка Куприна — струи потока этой же пошлости.

Незнакомый «писатель» со снисходительно приветливой улыбкой смотрел на нас, мягко возражая Ярскому.

Уже много позже, кажется в 1914 г., узнали мы, что мимолетным собеседником нашим в кафе «Грека» был известный Киевский театральный критик П.Я.¹¹⁷

МОСКВА 1912–15 ГГ.

¹¹⁴ В «Синем журнале» регулярно печатались материалы о спортсменах-борцах (см., напр.: Студент А.Ш. Студент-борец о себе // 1910. № 3. С. 14; Геркулесы XX века. Очерки из быта «чемпионов мира» // 1912. № 10. С. 12–13; Исповедь Ваньки Каина // 1912. № 19. С. 15), но в 1910–1912 гг. не было ни одного, который печатался бы с продолжением.

¹¹⁵ Подразумевается пьеса Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины», пьеса А.И. Куприна «Клоун» и серия цирковых рассказов Куприна: «Дочь великого Барнума», «В цирке», «Ольга Сур» и др.

¹¹⁶ Открытое лишь в теплое время года кафе на Тверском бульваре, излюбленное место встреч московских писателей. См. о нем: *Лобанов В.М.* Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968. С. 80–82.

¹¹⁷ Вероятно, Петр Михайлович Ярцев (1870–1930) — театральный критик и драматург. См. о нем: *Петкова Г. П.М.* Ярцев — забытый театральный деятель // Новый журнал. 1999. № 216. С. 186–194.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬЦИОНА». ИЗДАТЕЛЬ А. М. КОЖЕБАТКИН
И «ЕГО ОКРЕСТНОСТИ». МОЯ ВСТРЕЧА С А. В. ЛУНАЧАРСКИМ.

В 1912 году Валерий Яковлевич Брюсов сказал мне, прочитав в рукописи три моих рассказа: — обратитесь в «Альциону», к Александру Мелетьевичу Кожебаткину. Я говорил с ним. Может быть, он издаст ваши рассказы.

С трепетом юного Люсьена Шардона («Погибшие мечтания» Бальзака) поднимался я на лифте на IV этаж многоэтажного дома по Трехпрудному переулку, где жил А.М. Кожебаткин и там же была, в сущности, «редакция», ибо вопросы издания решал как будто он один¹¹⁸.

Много лет с тех пор мы с Кожебаткиным были в самых дружеских отношениях, до последних лет его жизни (он умер в 1941 г.¹¹⁹) хотя на протяжении этих почти 30 лет случалось так, что годами не встречались.

В 1912 г. я был то, что называется, обласкан им, он (без какой-либо для себя корысти, а скорее с риском) взялся издать мои «фантастические рассказы» (1913 г.). Попозднее я попенял его за то, что он издал все, даже и очень слабые рассказы («Май», например), не заставил меня кое-что отшлифовать, исправить... Он отшучивался, говорил, что вообще издавать их не надо было, а этого уж не исправишь...

В редакции «Альционы» я встречал меж гекатомб пахнувших типографской краской книг, среди множества картин, развешанных на стенах и просто поставленных у стен — много людей, казавшихся мне студенту-юнцу «знаменитыми». Бывал там часто художник график Н.П. Феофилактов. Его рисунки я знал по журналам «Весы», «Аполлон», по выставкам художников группы «Мир искусств[а]». Манера его напоминала мне манеру Обри Бердслея, — но добродушный и скромнейший Н.П.¹²⁰ очень обижался, когда кто-нибудь говорил об этом сходстве¹²¹.

¹¹⁸ Московский адрес Кожебаткина: Трехпрудный пер., д. 5/15.

¹¹⁹ В научной литературе в качестве даты смерти Кожебаткина указывается обычно апрель 1942 г., вероятно, начиная с: *Берков П.Н.* История советского библиофильства. М., 1971. С. 105.

¹²⁰ Ср. противоположную характеристику: «Изысканность модного костюма и европейской прически Николая Петровича Феофилактова странно противоречила его грубости в обращении и приемах» (*Садовской Б.А.* «Весы». Воспоминания сотрудника / Публ. Р.Л. Щербакова // *Минувшее: Исторический альманах*. 13. М.; СПб., 1993. С. 26).

¹²¹ Ср. кстати в воспоминаниях современника: «Где-то увидел Модест [Дурнов] рисунки какого-то безвестного автора, они его очень заинтересовали. Оказалось, что рисовал их какой-то юный писец на почтамте. Дурнов разыскал его и изъясил из почтамта. Это и был Феофилактов. Как-то быстро совершилось превращение из почтамтского человека в «сверхэстета». На лице появилась наклеенная мушка, причесан стал, как Обри Бердслей, и во всем его рисовании было подражание этому отличному острому английскому графику» (*Виноградов С.* *Прежняя Москва. Воспоминания* / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига, 2001. С. 137).

Н.П. Феофилактов умер в 1940 г., прожив 60 лет скромной жизни, посвятив ее искусству и (несколько лет) работе в музеях¹²².

В тридцатых годах он готовил иллюстрации к рассказам Т.А. Гофмана для [издательств] «Академия». Часть была издана¹²³, а папку с другой, большей частью рисунков-оригиналов Н.П., рассеянный, уже не совсем здоровый, где-то не то потерял, не то забыл. Тщетно эти утраченные рисунки разыскивала его жена¹²⁴, публиковала в газетах соответствующие обращения.

Десятки кропотливо выполненных рисунков (на что ушло немало дней и ночей) безвозвратно погибли.

Н.П. был крайне неразговорчив в те годы знакомства моего с ним. Крайне резко и презрительно относился он к тогдашним новаторам-кубистам, «лучистам», «пуантилистам». Тем не менее он очень дружелюбно уживался с часто посещающим «Альциону» художником Якуловым Г.Б., писавшим свои вещи в весьма отличной от художников «Мира искусства» манере. Н.П. был западного типа романтик, но он зачитывался и Чеховым и Достоевским. В разговорах со мной на всякие литературные темы, он часто цитировал Гете. Любил особенно Мицкевича (мать Н.П.¹²⁵ была полькой).

¹²² Николай Петрович Феофилактов (1876–1941) в 1917–1918 гг. работал хранителем восточной коллекции («Восточного музея») в бывшем доме В. Гиришмана; в 1919–1923 гг. был хранителем собрания Первого музея Новой западной живописи (см.: *Киселев М.Ф.* Николай Петрович Феофилактов. Материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. М., 2003. С. 421).

¹²³ Подразумевается книга: *Гофман Э.Т.А.* Повелитель блох / Пер. под ред. В.Р. Гриба; илл. Н.П. Феофилактова; оформ. Н.П. Ульянова и А.И. Порет. М.–Л., 1937. В ней помещен 1 лист фронтисписа (портрет) и 7 листов полосных иллюстраций.

¹²⁴ Жена Феофилактова — искусствовед Наталия Александровна Радзимовская. Вероятно, Мозалевский ошибается; ср. в стенограмме устных воспоминаний Феофилактова: «Среди других заказов издательства “Academia” мной были выполнены до 50 рисунков к книгам Л. Стерна “Тристам Шенди” и “Сентиментальное путешествие”. Они были приняты и утверждены зав. худ. частью издательства М.П. Сокольниковым. Эта работа была вершиной моего графического мастерства. Они оказались утерянными (выпали из папки на улице) и я ничего не знаю о их судьбе...» (Стенограмма беседы В.М. Лобанова с художником Н.П. Феофилактовым 22 февраля 1940 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 431). Действительно, согласно договору Феофилактов должен был исполнить для книги Стерна 17 полностраничных рисунков, 8 на 3/4 страницы, 20 на 1/2 страницы, 5 заставок, 5 концовок, суперобложку и рисунок переплета (РГАЛИ. Ф. 2419. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 1). Впрочем, и в договоре на книгу Гофмана значились 16 полностраничных рисунков, фронтиспис, 2 заставки и 2 концовки (Там же. Л. 2), в итоге иллюстраций оказалось всего 7 (плюс фронтиспис). Возможно, рисунки к Стерну были утрачены при перевозке их с выставки «Художники РСФСР за 15 лет», открывшейся 10 декабря 1933 г.: по крайней мере, на момент написания автобиографии Феофилактова 1934 г. они еще находились в экспозиции (РГАЛИ. Ф. 2419. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 1).

¹²⁵ Клавдия Ивановна Феофилактова.

Конечно, не я, а кто-то другой из знавших его художников и искусствоведов (ныне здравствующих) должен был бы написать о жизни и работах благороднейшего, честнейшего и скромнейшего талантливового русского художника-графика начала века Н. П. Феофилактова.

Кого только я не встречал в те годы (1912–1914) в «Альционе».

В русской рубашке-косоворотке, потряхивая кудрями, вел какую-то веселую беседу молодой композитор Борис Борисович Красин¹²⁶. Ругая (кого ругал, не помню, но ругал крепко), докладывал свои суждения о «голубом солнце» и о «построении живописи на скоростях стекол» художник Якулов Георгий Богданович, одетый в «кричащий» яркий костюм¹²⁷.

Добродушно улыбался всем говорунам и спорщикам скромный молчаливый художник Арапов Анатолий Афанасьевич (звали его все «Афанасьич»¹²⁸).

Гремел звонким металлом голос Вадима Шершеневича, «испытанного остряка», весь вечер неугомонно разбрасывающего свои остроты о тех или иных писателях и поэтах.

В «Альционе» бывали Шершеневич, Ходасевич, Рубанович¹²⁹, Охрамович¹³⁰ [sic]. И вот, помню, какой-то шутник запел приятным баритоном на мотив из «Травиаты» (арию Виолеты: «Быть свободной и пр.»):

... Шершеневич, Ходасевич,

Охрамович, Рубанович...

Бывали в «Альционе», но не в шумном окружении, а в обстановке деловой и строгой Валерий Яковлевич Брюсов и профессор Саводник¹³¹, и много других писателей, художников. Часто бывал книговед, которого знают все «библиофаги» Москвы — Давид Самойлович Айзенштадт¹³².

А.М. Кожебаткин был человеком большой культуры. Он прекрасно знал книгу, книжное дело, любил и знал Пушкина, русскую литературу

¹²⁶ Борис Борисович Красин (1884–1936) — композитор; после 1917 г. крупный деятель советской музыкальной культуры.

¹²⁷ «Голубое солнце» — статья Георгия Богдановича Якулова (1884–1928), напечатанная в единственном альманахе «Альционы» (Альциона. Кн. первая. М., 1914. С. 236–239; на шмуцтителе и в оглавлении «Дневник художника»). «Построение на скоростях стекол» — подзаголовок его картины «Городская живопись», экспонировавшейся на выставках 1913 и 1914 гг. (см.: *Аладжалов Г.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 306).

¹²⁸ Анатолий Афанасьевич Арапов (1876–1949) — художник и сценограф.

¹²⁹ Поэт и критик Семен Яковлевич Рубанович (1888–1930).

¹³⁰ Имеется в виду писатель и переводчик Витольд Францевич Ахрамович (1882–1930), сменивший Кожебаткина на посту секретаря редакции издательства «Мусагет».

¹³¹ Владимир Федорович Саводник (1874–1940) — ученый-филолог, автор популярного учебника.

¹³² Давид Самойлович Айзенштадт (1880–1947) — антиквар и собиратель, компаньон Кожебаткина по эфемерному издательству «Венок».

XIX века. Он страстно любил Чехова, цитировал много фраз из его рассказов и эти фразы (к месту, конечно) вспоминали мы с ним многие годы, как родные созвучия...

А.М. научил меня любить Флобера, особенно горячо. В самом Александре Мелетьевиче были как будто черты издателя Арну из «Сентиментального воспитания» Флобера¹³³, но А. М. очень не любил, когда я или к[то-]н[ибудь] другой, смеясь, говорил ему об этом сходстве, а (в отместку!) находил и в нас, юнцах его окружающих, не весьма хорошие черты иных героев того же романа — Делорье, Сенекалья, Гюссонэ.

У А.М., как издателя, был широкий размах мецената, но, увы, не было достаточных средств, что заставляло его осуществлять издание книг приемами в стиле издателя Жака Арну... Клеветой было бы сказать, что он плохо платил гонорары сотрудникам «Альционы», но в 1912–15 г.г. иногда болтали, что расплачивался А.М. с литераторами и поэтами... счетами ресторанов! Но вольно же было нам, юнцам, засиживаться с ним в ресторанах и не платить по счету ни гроша (платил «меценат»).

Книги «Альционы» А.М. издавал хорошо и со вкусом (в части оформления), обложки и иллюстрации писал Сарьян, Крымов, Феофилактов, Якулов Г.Б., Сапунов¹³⁴. Он издал иллюстрированные монографии О. Бердслея, Стенлейна¹³⁵. Издавал статьи Брюсова В.Я., Андрея Белого, стихи Сергея Клычкова, Юл. Анисимова, Юрия Сидорова (совсем молодым), в зелено-бирюзовой с золотом обложке издал стихи «Песок и розы» К. Липскерова, издал «Ориенталия» Мариетты Шагинян...¹³⁶ Из иностранных — Поля Верлэна, Жюля Лафорга (стихи «Феерический Собор»), Анри де Ренье, Э.Т.А. Гофмана («Золотой

¹³³ В классическом переводе — «Воспитание чувств».

¹³⁴ М.С. Сарьян рисовал обложку для книги М.С. Шагинян «Orientalia» (1-е изд.: М., 1913) и иллюстрировал (вместе с Г.Б. Якуловым) сборник В.Ю. Эльснера «Пурпур Киферы» (М., 1913); Н.П. Крымов рисовал обложку для книги Г.И. Рыбинцева «Осенняя просишь» (М., 1914); Н.П. Феофилактову (см. прим. 64) принадлежит издательская марка «Альционы»; работ Н.Н. Сапунова для «Альционы» мы не знаем.

¹³⁵ Мозалевский ошибается: двухтомная монография о Бердслее («Избранные рисунки» и «Жизнь и творчество»), подготовленная А.А. Сидоровым, была издана Кожебабкиным вместе с Д.С. Айзенштадтом и А.Г. Вишняком под маркой издательства «Венок» (М., 1917); по внешности увраж действительно напоминает лучшие образцы «Альционы». Брошюра А.А. Сидорова «Стейнлен художник парижского пролетариата» (М., 1919) была издана под маркой «Государственного издательства».

¹³⁶ Единственная изданная «Альционной» нехудожественная книга Брюсова — «Краткий курс лекций о стихе» (М., 1919). Далее имеются в виду книги: *Белый А.* Луг зеленый. М., 1910; *Клычков С.* Потаенный сад. М., 1913; *Анисимов Ю.* Обитель. М., 1913; *Сидоров Ю.А.* Стихотворения. М., 1910 (здесь абберрация памяти: Юрий Ананьевич Сидоров был не просто молодым, но рано умершим; 1887–1909); *Липскеров К.* Песок и розы (М., 1916). О книге М.С. Шагинян см. примеч. 76.

горшок»)¹³⁷. Издавал три или четыре альманаха (в них статьи, рассказы А.Н. Толстого, В. Брюсова, М. Шагинян, Садовского Бориса, Кузмина М.А., Стендаля, В. де Лиль Адана и др.)¹³⁸.

Многие писатели, в том числе и я, многим обязаны А. М. К-ну в начале своего литературного пути (пути всегда нелегкого!).

Вспоминаю, что А. Белый манерно плохо говорит об А. М. и то как-то вскользь «кем-то подобранный» К-н, «гнусавила дудка К-на...»¹³⁹ Кроме гадостей, как будто уж и нечего было вспоминать А. Белому о нем!

Мы, тогдашнее О-во «Альционы» видели, конечно, в Александре Мелетьевиче не только Жака Арну или ибсеновского разбитого крахом Джона Габриэля Боркмана¹⁴⁰. Он был непревзойденный знаток русского языка, русских пословиц, сердился, когда к[то]-н[ибудь] из нас говорил «не по-русски» и смело мог бы заменить тогда иным плохо знающим русский язык литераторам «Московских просвирен»¹⁴¹.

Годами «возился» А. М. с весьма самолюбивым, вскидчивым, дерзким и обидчивым поэтом Тихоном Чурилиным.

Его сборник стихов «Весна после смерти» издан был «Альционной» превосходно (с иллюстрациями Наталии Гончаровой)¹⁴².

А Т. Чурилин метался тогда в состоянии немалого пауперизма и А.М. помогал ему много¹⁴³.

¹³⁷ *Верлен П.* Записки вдовца / Пер. С. Рубановича; вступ. ст. В. Брюсова. М., 1911; *Лафоре Ж.* Феерический собор / Вступ. ст., пер., примеч. и библиогр. В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича. М., 1914; *Ренье А. де.* Маркиз д'Амеркер / Пер. М. Волошина. М., 1914; *Гофман Э.Т.А.* Золотой горшок / Пер. В. Соловьева. М., 1913.

¹³⁸ У «Альционы» был один-единственный одноименный альманах (Кн. 1. М., 1914), существующий в двух вариантах из-за цензурного вмешательства: он был арестован из-за рассказа Брюсова «После детского бала», который в большей части тиража пришлось заменить стихотворениями того же Брюсова.

¹³⁹ Мозалевский неточно цитирует отзывы о Кожебаткине из мемуарной книги Белого «Начало века»: «Сорвался он: заголосили все сразу, являя собой разложение звука, в котором окрепла гнусавая и деритонящая отвратительно, нас разлагавшая дудка: дудел... Кожебаткин, непрошено Эллисом втолкнутый в “Мусагет” [...]»; «Эллис ведь новых людей вырывал, как корни, из разных кварталов Москвы, то являясь [...] с где-то подобранным им Кожебаткиным [...]» (*Белый А.* Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 99–100, 392).

¹⁴⁰ Главный герой пьесы Ибсена (сейчас его имя и ее заглавие переводят как «Йун Габриэль Боркман»).

¹⁴¹ Известное замечание Пушкина из «Опровержения на критики...»: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням».

¹⁴² См. примеч. 4. Сам Чурилин упоминает Мозалевского («молодой тогда писатель Виктор Мозалевский») среди слушателей своей пьесы «Последний визит», см.: *Чурилин Т.В.* Встречи на моей дороге / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Т. 10. СПб., 2004. С. 460.

¹⁴³ Пауперизм — бедность, нищета.

В г.г. 1922–23, когда я уже реже с А.М. встречался, он заправлял совместно с А. Мариенгофом (и, кажется, Есениным?) «Книжной лавкой» имажинистов (на улице Герцена)¹⁴⁴.

Это были годы расцвета Камерного театра. А.М. «водил» меня в этот театр, который был очень близок ему.

Да и меня пленяли тогда и режиссер Таиров, и игра А.Г. Коонен, которую я считал современной Лекуврер, Клерон¹⁴⁵.

Из репертуара ярко запомнились «Жирофле-Жирофля», «Сакунтала», «Федра», «Адриенна Лекуврер», «Человек, который был четвергом» (рассказ Честертона, переплавленный в пьесу писателем Кржижановским С.)¹⁴⁶.

А.М. все собирался написать какую-то большую книгу о русской литературе, но так и не создал ничего в этом смысле, во время войны умер от дистрофии.

Какой-то злоюка острил, что А.М. за всю свою жизнь не писал ни писем, ни записок, ни статей, ничего либо иного, а только подписывал ресторанные счета, векселя и обязательства всякого рода. Под конец своей жизни, материально нуждаясь, он нередко облачался в тогу Чаадаева (эпохи «Писем»), брюзжал, сердился на русскую литературу тридцатых годов...

Об одном кутиле — юном писателе (годы 1913–14) Ал.М. сказал: «нет такого кабака, где бы не создавал он настроения неизмеримо ниже общего тона».

Некий неудавшийся литератор Ярский (безвременно давно погибший), бывавший много раз в «Альционе» в 1913–15 гг., что-то

¹⁴⁴ Кожебаткин (вместе с С.А. Есениным, А.Б. Мариенгофом, С.Ф. Стрельцовым и Д.С. Айзенштадтом) был совладельцем книжной лавки на Б. Никитской (д. 13) в Москве, открывшейся под маркой «Московской трудовой артели художников слова» в конце 1919 г. (см. о ней прежде всего: *Петрова Н.* Есенин за прилавком // Книжная торговля. 1966. № 11. С. 40–41; см. также: *Божко В.* Сергей Есенин в Харькове. Харьков, 2008. С. 36; *Базанов В.В.* Сергей Есенин и книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова» // Есенин и современность. М., 1975. С. 120–141; *Юшкин Ю.* Есенин и «Московская трудовая артель художников слова» // В мире Есенина: Сб. статей. М., 1986. С. 607–618). Согласно сведениям, собранным Н. Петровой, Кожебаткин выставил на продажу через магазин «свою огромную библиотеку» (Книжная торговля. 1966. № 11. С. 41).

¹⁴⁵ Адриенна Лекуврер (1692–1730) и Ипполита Клерон (1723–1803) — знаменитые французские актрисы.

¹⁴⁶ «Жирофле-Жирофля» — комическая опера Ш. Лекока, премьера в Московском Камерном театре 3 октября 1922 г. (в главной роли А. Коонен); «Сакунтала» — драма Калидасы, первый спектакль Московского Камерного театра, премьера 12 декабря 1914 г.; «Федра» — драма Ж. Расина, премьера 8 февраля 1922 г.; «Адриенна Лекуврер» — пьеса Э. Скриба и Э. Легуве, премьера 25 ноября 1919 г.; «Человек, который был четвергом» — пьеса Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) по одноименному роману Г. Честертон, премьера 6 декабря 1923 г.

сильно распьянствовался, растрянжился, дойдя до того, что пытался (безуспешно) продать свои кожаные траченные временем краги. С продажей краг произошла какая-то история: хозяин пивной купил их... но, бессовестный, зачел должок Ярского... Через несколько дней ватага литературных «бесштаных» юношей сидела в гостеприимной столовой, съедали бутерброды, в огромном количестве сервированные Жанной Евгеньевной¹⁴⁷, женой А.М., пили красное вино и фантазировали о каком-то, преисполненном умными диалогами пире в стиле пира из «Шагреновой кожи» Бальзака, вычерчивая в мечтах тонкие вина, заморские яства, изысканных куртизанок, легкие костюмы, тоги, хитоны.. А А.М., слушая нас, сказал серьезно: «Из особого уважения к Ярскому мы разрешим ему остаться в крагах».

Как то в 1924 году я застал в «Альционе» А.В. Луначарского. Они беседовали с А.М. о каком-то проекте издания (кажется, художника Мазереля¹⁴⁸). А.М. представил меня Анатолию Васильевичу: — «Мозалевский». — Анатолий Васильевич с приветливой улыбкой посмотрел на меня и спросил: — «Мозалевский? Писатель Мозалевский?»

— Нет, декабрист, — сказал, смеясь А.М.

(В Ю[жном] О[бществе] декабристов был поручик Черниговского полка Мозалевский Андрей Евтихievич¹⁴⁹).

Одна литературная дама, чуть поэтесса, в 1925 г., наскучив посещать литературные вечера, сделалась «подругой» богатого сапожника-нэпмана, к литературе отношения не имевшего.

— Дай ей бог, она хорошая — процитировал А.М. фразу из чеховского рассказа...¹⁵⁰

(Окончание следует)

Литература

Базанов В.В. Сергей Есенин и книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова» // Есенин и современность / Под ред. В. Базанова и Ю. Прокушева. М.: Современник, 1975. С. 120–141.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 707 с.

Божко В. Сергей Есенин в Харькове. Харьков: Мачулин, 2008. 208 с.

¹⁴⁷ Жанна Евгеньевна Кожебаткина (?–1938); иными сведениями о ней не располагаем, добавим лишь ее характеристику как «милой и приветливой» (инскрипт С. Есенина; см.: Юсов Н.Г. «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина. Челябинск, 1996. С. 106).

¹⁴⁸ Издание это, вероятно, не состоялось.

¹⁴⁹ Декабриста Мозалевского звали Александр (не Андрей) Евтихievич (1803–1851).

¹⁵⁰ Из рассказа «Отставной раб» (1883).

Виноградов С. Прежняя Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лapidус. Рига: Multi Centrs, 2001. 216 с.

Горнунг Л. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т. Нешумовой. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 768 с.

Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 752 с.

И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925: Письма, документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. В.В. Белякова. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2009. 320 с.

Киселев М.Ф. Николай Петрович Феофилактов. Материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия. 2002. М.: Наука, 2003. С. 420–453.

Лавров А.В. Мозалевский Виктор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М — П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 118–119.

Обатнин Г. Женская культура как развлечение мужчин // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Сост. Н. Букс, Е. Пенская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 134–157.

Обухова О. «Только читать и этому не верить»: Виктор Мозалевский и его проза // Russian Literature. 1999. № XLV. P. 457–467.

Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М.: Наука, 1985. С. 160–257.

Переписка с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / Вступ. ст. и публ. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 559–621.

Садовской Б.А. «Весы». Воспоминания сотрудника / Публ. Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 7–53.

Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. 592 с.

Тименчик Р. Из мимолетностей французско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire. Lausanne, 1995. P. 145–149.

Французский писатель о Тургеневе. Воспоминания Жюля Кларти / Публ. В.И. Мозалевского // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1967. С. 483–488.

Харджиев Н. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2006. 557 с.

Чудакова М.О., Устинов А.Б., Левинтон Г.А. Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Т. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 408–494.

Юшкин Ю. Есенин и «Московская трудовая артель художников слова» // В мире Есенина: Сб. статей / Сост. А.А. Михайлова, С.С. Лесневского. М.: Советский писатель, 1986. С. 607–618.

References

Bazanov V.V. Sergei Esenin i knigoizdatel'stvo "Moskovskaia trudovaia artel' khudozhnikov slova" [Sergey Yesenin and the publishing house "Moscow labor artel of literary artists"]. *Esenin i sovremennost'* [Yesenin and contemporaneity], ed. by V. Bazanov and Iu. Prokushev. Moscow, Sovremennik Publ., 1975, pp. 120–141. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka* [The beginning of the century], ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 707 p. (In Russ.)

Bozhko V. *Sergei Esenin v Khar'kove* [Sergey Yesenin in Kharkov]. Kharkov, Machulin Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [The life story of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)

Chudakova M.O., Ustinov A.B., Levinton G.A. Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal "Germes" [Moscow literary and philological life of the 1920s: the typewritten magazine "Hermes"]. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [Fifth Tynyanov proceedings: Abstracts and materials for discussion]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 167–210. (In Russ.)

Churilin T.V. *Vstrechi na moei doroge* [Encounters on my way], intro., publ. and comment. by N. Yakovleva. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. T. 10* [Faces: Biographical almanac. Vol. 10]. St. Petersburg, Feniks Publ., Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 408–494. (In Russ.)

Frantsuzskii pisatel' o Turgeneve. Vospominaniia Zhiulia Klarti [The French writer about Turgenev. Jules Claretie's memoirs], publ. by V.I. Mozalevsky. *Literaturnoe nasledstvo. T. 76: I.S. Turgenev. Novye materialy i issledovaniia* [Literary heritage. Vol. 76: I.S. Turgenev. New materials and studies]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 483–488. (In Russ.)

Gornung L. "Svidetel' terpelivyi..." : *Dnevnik, memuary* ["The patient witness...": Diaries, memoirs], ed., intro., comment. by T. Neshumova. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)

I.Ia. Bilibin v Egipte. 1920–1925: Pis'ma, dokumenty i materialy [I.Ya. Bilibin in Egypt. 1920–1925: Letters, documents and materials], comp., intro. and notes by V.V. Beliakov. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., Russkii put' Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)

Iushkin Iu. Esenin i "Moskovskaia trudovaia artel' khudozhnikov slova" [Yesenin and "Moscow labor artel of literary artists"]. *V mire Esenina: Sb. statei* [In Yesenin's world: A collection of essays], comp. by A.A. Mikhailov, S.S. Lesnevsky. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 607–618. (In Russ.)

Khardzhiev N. Ot Maiakovskogo do Kruchenykh: Izbrannye raboty o russkom futurizme [From mayakovsky to Kruchenykh: Selected works about Russian Futurism], comp. by S. Kudriavtsev. Moscow, Gileia Publ., 2006. 557 p. (In Russ.)

Kiselev M.F. Nikolai Petrovich Feofilaktov. Materialy k biografii [Nikolai Petrovich Feofilaktov. Materials for biography]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 2002* [Cultural monuments. New discoveries. 2002]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 420–453. (In Russ.)

Lavrov A.V. Mozalevskii Viktor Ivanovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 4: M — P* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 4: M — P]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, pp. 118–119. (In Russ.)

Obatnin G. Zhenskaia kul'tura kak razvlechenie muzhchin [Women's culture as men's entertainment]. *Russkaia razvlekatel'naia kul'tura Serebrianaogo veka. 1908–1918* [Russian entertainment culture of the Silver Age. 1908–1918], comp. by N. Buks, E. Penskaia. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017, pp. 134–157. (In Russ.)

Obukhova O. “Tol'ko chitat' i etomu ne verit'”: Viktor Mozalevskii i ego proza [“Only to read and not to believe in it”: Viktor Mozalevsky and his prose]. *Russian Literature*, 1999, no. XLV, pp. 457–467. (In Russ.)

Parnis A.E., Timenchik R.D. Programmy “Brodiachei sobaki” [Programs of the cabaret “Brodiachaia sobaka”]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1983* [Cultural monuments. New discoveries. 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 160–257. (In Russ.)

Perepiska s Emilem Verkharnom. 1906–1914 [Correspondence with Emile Verhaeren. 1906–1914], intro. and publ. by T.G. Dinesman. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Briusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 559–621. (In Russ.)

Sadovskoi B.A. “Vesy”. Vospominaniia sotrudnika [“Vesy”. Memoirs of an employee], publ. by R.L. Shcherbakov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 13* [The past: Historical almanac. 13]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–53. (In Russ.)

Severiukhin D.Ia., Leikind O.L. *Khudozhniki russkoi emigratsii (1917–1941): Biograficheskii slovar'* [Russian émigré artists (1917–1941): Biographical dictionary]. St. Petersburg, Chernyshev Publ., 1994. 592 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz mimoletnosti frantsuzsko-russkikh literaturnykh sviazei XX veka. Pis'mo Polia Fora Vladimiru Piastu [Some moments of the French-Russian literary connections in the 20th century. Paul Fort's letter to Vladimir Piast]. *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire*. Lausanne, 1995, pp. 145–149. (In Russ.)

Vinogradov S. *Prezhniaia Moskva: Vospominaniia* [The former Moscow: Memoirs], comp. by N. Lapidus. Riga, Multi Centrs Publ., 2001. 216 p. (In Russ.)

Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 752 p. (In Russ.)

Viktor Mozalevsky's memoirs

© 2019, Alexander Sobolev

Abstract: Memoirs of the writer Viktor Ivanovich Mozalevsky (1889–1970) are for the first time published in full and with detailed commentary. Being an unobtrusive, but active participant of literary life since the mid-1900s, Mozalevsky left vivid literary portraits of V. Bryusov, B. Sadovskoy, Yu. Slezkin, S. Auslender, E. Nagrodskaya, M. Bulgakov and many others.

Keywords: V. Mozalevsky, literary life, memoirs.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander. “Paths, Ways, Encounters” by Viktor Mozalevsky. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 99–144. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-99-144